

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 13**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 13 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 260 с.

ISBN 978-5-458-04663-3

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04663-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Положительная философія и единство науки.

(Окончаніе).

VI.

Единство науки.

Завершивъ свое изслѣдованіе основныхъ наукъ созданіемъ соціальной физики, Контъ приступаетъ къ выясненію философскаго единства всѣхъ человѣческихъ знаній. Такое объединеніе, говоритъ онъ, было невозможно, пока нравственная сфера не была подведена подъ тѣ же начала и точки зрѣнія, какъ и область физическихъ явленій, а продолжала управляться метафизическими понятіями. Но это послѣднее препятствіе рушилось съ возникновеніемъ соціологіи, и теперь координація всѣхъ наукъ, на основаніи начала, дѣйствительно способна произвести такое объединеніе, сдѣлалась настоятельно умственной потребностью. Это одно можетъ вывести современную мысль изъ анархическаго состоянія и изъять ее изъ владычества чисто эмпирическихъ специальностей (VI, 646—650).

По мнѣнію Конта, „истинное философское единство непременно требуетъ полнаго нормальнаго преобладанія одного умственнаго элемента надъ всѣми остальными“ (VI, 650). Поэтому здѣсь вопросъ заключается лишь въ томъ: которой изъ шести слѣдующихъ другъ за другомъ наукъ должно быть присвоено первенство? Иерархическое построеніе наукъ показываетъ, что оно можетъ принадлежать либо первой, какъ источнику, либо послѣдней, какъ результату всѣхъ остальныхъ; слѣдовательно, или математикѣ или со-

ціологіи (651). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ математика, вслѣдствіе простоты и общности изучаемыхъ ею явленій, можетъ служить такимъ объединяющимъ элементомъ. И точно, въ началѣ философскаго развитія она съ пользою исполняла это назначеніе. Но это могло быть только въ началѣ, ибо чѣмъ сложнѣе становятся явленія, тѣмъ болѣе они ускользаютъ отъ математическихъ опредѣленій. Самая элементарность и всеобщность математическихъ законовъ дѣлаютъ ихъ неприменимыми къ конкретной области и неспособными примѣняться къ относительной точкѣ зрѣнія, составляющей самую сущность положительной философіи. Соціологія, напротивъ, не страдаетъ ни однимъ изъ этихъ недостатковъ, а имѣетъ всѣ нужныя качества, для того чтобы стать во главѣ положительныхъ наукъ. Будучи ихъ завершеніемъ, она заключаетъ въ себѣ всѣ предыдущія методы и всѣ предшествующія точки зрѣнія; но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, восполняетъ ихъ новыми и высшими, такъ что, подчиняясь имъ съ одной стороны, она съ другой стороны становится надъ ними властвующею. Всѣ остальные науки являются продуктами соціологической эволюціи и получаютъ истинное свое освѣщеніе отъ законовъ этой эволюціи. Такимъ образомъ соціологія возвращается къ общей точкѣ зрѣнія, господствующей въ математикѣ, но уже не въ отвлеченной, а въ чисто конкретной формѣ. Это—самая общая, а вмѣстѣ и наиболѣе конкретная. изъ всѣхъ наукъ (VI, 656—668, 680). Поэтому ей одной можетъ принадлежать „это всеобщее предсѣдательство“ (*cette universelle présidence*), котораго рациональность не подлежитъ сомнѣнію, и которое одно можетъ привести наконецъ къ настоящему единству всѣхъ существенныхъ части умственной системы, тогда какъ преобладаніе математики служило, напротивъ, помѣхою такому объединенію, устанавливая „нераціональную претензію низшихъ изслѣдованій направлять высшія“, и поддерживая „стремленіе самой простой и скудной точки зрѣнія къ постоянному преобладанію надъ болѣе сложными и обширными“ (VI, 670', 675).

Контъ признается однако, что въ настоящее время, при столь недавнемъ созданіи положительной соціологіи, можно только а ріогі выяснить это необходимое ея преобладаніе (VI, 668). При этомъ онъ указываетъ на нѣкоторыя уже сдѣланныя имъ важныя примѣненія соціологическихъ началъ даже къ области неорганической природы, какъ то, на выработанное имъ понятіе о химическомъ дуализмѣ, на теорію физическихъ гипотезъ, на устраненіе изъ области астрономіи всякихъ изслѣдованій, выходящихъ изъ предѣловъ солнечной системы, на исправленіе основныхъ математическихъ понятій (671). Но во всемъ этомъ трудно замѣтить какое бы то ни было отношеніе къ соціологіи. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти примѣненія, какъ можно убѣдиться изъ предыдущаго изложенія, не только лишены всякаго научнаго значенія, но скорѣе могутъ разсматриваться, какъ шагъ назадъ въ умственномъ развитіи. И это не можетъ насъ удивлять, ибо мы знаемъ, что соціологія Конта основана на чистой фантазіи и не способна внести что-либо въ другія науки, кромѣ ложныхъ понятій, порожденныхъ подчиненіемъ ихъ воображаемой эволюціи.

Контъ не потрудился даже выяснить основное свое положеніе, что объединеніе наукъ требуетъ непременно господства одной изъ нихъ надъ остальными. Почему же этого нельзя достигнуть, сравнивая различныя науки и возводя ихъ къ общимъ точкамъ зрѣнія? Таковъ путь наведенія, отъ частнаго къ общему, прилагающійся ко всѣмъ опытнымъ наукамъ, и нѣтъ ни малѣйшей причины, почему бы мы исключили этотъ способъ дѣйствія при попыткѣ объединить всю область человѣческаго знанія, и признали бы единственно возможнымъ идти отъ общаго къ частному, подчиняя послѣднее первому, на подобіе метафизики. Сравнительный путь представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что, взявши за исходную точку отдѣльную науку, съ какого бы конца мы ни начали, мы неизбѣжно впадемъ въ нѣкоторое противорѣчіе. Съ одной стороны, наиболѣе общая точка зрѣнія устанавливается въ началѣ; но по своей отвлеченности она неспособна объ-

единить конкретныя явленія. Съ другой стороны, наиболѣе общая точка зрѣнія, на этотъ разъ уже въ конкретной формѣ, является опять въ концѣ. Но послѣдняя изъ всѣхъ наукъ, опираясь на всѣ предыдущія, находится въ прямой отъ нихъ зависимости; какъ же можетъ она надъ ними господствовать? Мы видѣли, что социологическіе законы выводятся Контомъ изъ біологической теоріи человѣка, которая должна служить имъ непреложнымъ мѣриломъ; а между тѣмъ біологія, въ свою очередь, должна подчиняться социологіи и даже руководиться послѣднею въ своихъ выводахъ. Если бы Контъ вздумалъ на такомъ же основаніи выводить біологическіе законы изъ химическихъ и затѣмъ утверждать господство біологіи надъ химіею, то это была бы такая же несообразность. Ясно, что одно не ладится съ другимъ.

Чтобы вполне выяснитъ этотъ вопросъ, послѣдуемъ за Контомъ въ его попыткѣ объединенія. Онъ разсматриваетъ общую связь наукъ въ двоякомъ отношеніи: въ логическомъ, т.-е. со стороны метода, и въ научномъ, со стороны содержанія.

Мы видѣли, что пониманіе научной методы составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ въ ученіи Конта. Это обнаруживается уже въ сближеніи завершающейся въ социологіи методы положительной философіи, „наконецъ полной, а потому нераздѣльной“, какъ онъ выражается (VI, 701), съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Контъ увѣряетъ, что только богословско-метафизическое воззрѣніе старалось сообщить человѣческому мышленію какой-то характеръ химерической возвышенности; истинный же духъ положительной философіи состоитъ единственно въ методическомъ расширеніи простаго здраваго смысла на всѣ предметы, доступные человѣческому уму. Въ наукѣ надобно устранить всякія наблюденія, имѣющія личный характеръ. Обиходное изслѣдованіе (*l'exploration vulgaire*) всегда составляетъ истинную точку отправленія для всѣхъ положительныхъ изысканій, и оно же даетъ имъ окончательную санкцію. Общественный разумъ долженъ въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить

общее поле истинно научных изслѣдованій, которыя могутъ касаться лишь впечатлѣній, общихъ всѣмъ людямъ, отвлекаясь отъ оттѣнковъ, даже нормальныхъ, свойственныхъ отдѣльнымъ наблюдателямъ. Такимъ образомъ положительная метода необходимо составляетъ непрерывное дѣло всего человѣчества, безъ всякаго спеціальнаго изобрѣтателя, и все положительное знаніе въ прошедшемъ, какъ и въ будущемъ, является результатомъ громаднаго общаго изслѣдованія, въ которомъ участвуетъ все человѣчество, предупрежденное только спеціально созерцательнымъ классомъ людей. Если развитіе богословской философіи должно было приписываться главнымъ образомъ сверхъестественнымъ познаніямъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ органовъ, то „нормальное присоединеніе мыслящей массы къ научной ассоціаціи“ составляетъ, по мнѣнію Конта, одно изъ отличительныхъ и доселѣ недостаточно еще оцѣненныхъ свойствъ положительной философіи (VI, 705—709).

Такой взглядъ обличаетъ полное непониманіе существа и свойствъ всякой научной методы. Прежде всего не ясно, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ простаго здраваго смысла. Повидимому, Контъ ограничиваетъ это понятіе обыкновеннымъ наблюденіемъ внѣшнихъ явленій. Но какъ относится обыкновенный здравый смыслъ къ вопросамъ религіознымъ? Если допросить огромное большинство человѣческаго рода, то, конечно, оно не подтвердитъ ученія положительной философіи и не скажетъ, что всѣ богословскія понятія не что иное, какъ фантазмагоріи. Слѣдовательно, говорить о простомъ методическомъ расширеніи здраваго смысла совершенно неумѣстно. Самъ Контъ признаетъ, что человѣкъ, по естественному побужденію, считаетъ внѣшніе предметы себѣ подобными, изъ чего и рождаются религіозныя представленія; только наука приводитъ его къ иному взгляду. Такимъ образомъ и по его теоріи обыкновенный здравый смыслъ устраняется.

Но оставляя въ сторонѣ религіозные вопросы, даже въ тѣсныхъ предѣлахъ внѣшняго наблюденія научная метода

существенно отличается отъ ненаучныхъ способовъ познания. У человѣка есть точно здравый смыслъ, который не только руководить его въ житейскихъ дѣлахъ, но можетъ служить важнымъ пособіемъ и въ научныхъ занятіяхъ. Онъ состоитъ въ инстинктивномъ стремленіи обнять предметъ въ его полнотѣ, какъ онъ естественно представляется уму. Это чутье удерживаетъ изслѣдователя отъ одностороннихъ увлеченій; оно даетъ ему чувствовать недостатокъ или фальшь, скрывающіеся подъ логическими выводами, внѣшнимъ образомъ правильными, но отпавляющимися отъ ложныхъ посылокъ или упускающими изъ виду что-либо существенное. Однако этотъ инстинктъ имѣетъ чисто субъективное значеніе; основаніемъ научной методы онъ служить не можетъ. Въ наукѣ требуются прежде всего точность и ясность понятій и путей. Первый шагъ всякой научной методы есть анализъ, и только тотъ синтезъ имѣетъ научный характеръ, который основанъ на анализѣ. Въ наукѣ даже порожденное анализомъ одностороннее развитіе мысли имѣетъ существенное значеніе, ибо всякая сторона предмета должна быть исчерпана вполне, и только путемъ одностороннихъ изслѣдованій возможно взойти къ правильному синтезу, въ которомъ различныя стороны восполняютъ другъ друга и всякая частность получаетъ подобающее ей мѣсто въ цѣломъ.

Такой умственный процессъ, очевидно, не можетъ быть дѣломъ всего человѣчества. Для того чтобы стать на истинно научную точку зрѣнія, необходимо, напротивъ, прежде всего оторваться отъ тѣхъ инстинктивныхъ влеченій и взглядовъ, которыми руководствуются обыкновенные люди, и которые въ научныхъ вопросахъ нерѣдко ведутъ къ самымъ грубымъ ошибкамъ. Какъ же скоро мы возвышаемся къ болѣе или менѣе сложнымъ понятіямъ, каковы, на примѣръ, въ математикѣ логарифмы, дифференціалы и т. п., такъ указанія обиходнаго здраваго смысла совершенно насъ оставляютъ. Развитіе науки не есть дѣло всего человѣчества, а только избранной его части. Руководителями по этому пути служатъ тѣ великіе умы, которые составляютъ гор-

дость и славу человеческого рода. Не человечество, а Декартъ былъ творцомъ аналитической геометріи; не человечество, а Лейбницъ и Ньютонъ изобрѣли дифференціальное исчисленіе. Кеплеръ открылъ законы движенія небесныхъ свѣтилъ, Ньютонъ всемірное тяготѣніе. Лавуазье, точно взвѣсивъ химическіе элементы, сдѣлался основателемъ химіи; Амперъ, а не человечество, создалъ теорію электромагнетизма. Большее участіе принимаетъ совокупность человеческого рода въ наукахъ, касающихся самого человѣка. Здѣсь инстинктивная дѣятельность массъ доставляетъ матеріалъ для науки: прежде нежели существуетъ филологія, инстинктивно рождаются языки; прежде нежели возникаетъ наука права, инстинктомъ опредѣляются взаимныя отношенія членовъ общества. Но и тутъ научная точка зрѣнія совершенно иная, нежели инстинктивная. Главная задача первой состоитъ въ томъ, чтобы рознять и затѣмъ сложить рациональнымъ образомъ созданное инстинктомъ. Если при этомъ филологія ограничивается раскрытіемъ законовъ инстинктивной дѣятельности, то правовѣдѣніе подвергаетъ фактической матеріалъ теоретической оцѣнкѣ и провѣркѣ: оно вноситъ въ жизнь новыя начала, которыя ведутъ человѣческія общества къ большому и большому совершенствованію. И въ этой области руководителями являются великіе свѣтильники человеческой мысли, которые указываютъ путь. Достаточно упомянуть о вліяніи, которое имѣло ученіе Адама Смита на все экономическое развитіе новыхъ народовъ и ученіе Монтескьё на конституціонное движеніе новаго времени. Объ исторіи философіи и говорить нечего. Тутъ весь процессъ, какъ въ древности, такъ и въ новое время, происходитъ въ кругу избранныхъ умовъ. Каждое великое имя представляетъ новую ступень развитія человеческой мысли.

Къ смѣшенію научныхъ и ненаучныхъ методовъ присоединяется у Конта смѣшеніе различныхъ научныхъ методовъ между собою. Сводя къ общему итогу способы дѣйствія изслѣдованныхъ имъ наукъ, Контъ существеннымъ признакомъ положительной методы ставитъ преобладаніе наблю-

денія надъ воображеніемъ (VI, 721—2). Непреложнымъ основаніемъ всякаго научнаго изслѣдованія должны быть наблюдаемые факты; всякое положеніе, которое не сводится окончательно къ простому выраженію факта, не имѣетъ никакого реальнаго и понятнаго смысла (702—3). Правда, наука не ограничивается однимъ безплоднымъ собираніемъ фактовъ; цѣль ея заключается въ изслѣдованіи ихъ связи, или управляющихъ ими законовъ. Основное начало всякой здравой философіи состоитъ въ подчиненіи всѣхъ явленій неизмѣннымъ законамъ, которые даютъ возможность предвидѣть самые факты и черезъ это ведутъ къ постепенному расширенію раціональной области на счетъ эмпирической (703, 710). Но и эти законы не идутъ далѣе фактической связи явленій, которыя сближаются или по ихъ сходству или по ихъ послѣдовательности, никогда не раскрывая намъ самаго способа дѣйствія природы въ произведеніи явленій. Сущность вещей вѣчно остается отъ насъ скрытою (702, 715). Все, что наука можетъ сдѣлать, это—постепенно сводить частные законы къ болѣе общимъ, что однако достижимо лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Число фактическихъ законовъ, которые нельзя свести къ другимъ, всегда останется довольно многочисленнымъ, и нѣтъ надежды когда-либо достигнуть въ этомъ отношеніи полнаго единства (704—5).

Такой взглядъ представляется совершенно логическимъ и послѣдовательнымъ. Онъ служитъ выраженіемъ чистаго эмпиризма. Но Контъ тутъ же замѣчаетъ, что законы могутъ имѣть двоякій источникъ: опытный или раціональный. Каждая изъ разсмотрѣнныхъ наукъ представляетъ примѣры того и другого. Логическое совершенство, которое всегда надобно имѣть въ виду, хотя оно не всегда достижимо, состоитъ въ томъ, чтобы подтвердить вполнѣ однимъ путемъ то, что найдено другимъ. При этомъ каждая наука имѣетъ свои основныя понятія, проистекающія единственно отъ одного изъ двухъ источниковъ, и тѣмъ не менѣе совершенно достовѣрныя. Выгоды того или другого пути, говоритъ Контъ, могутъ быть весьма различны, смотря по случаю, къ кото-

рому они прилагаются; но вообще надобно предпочитать индуктивный способ для основных законов, а дедуктивный для болѣе специальныхъ изслѣдованій. И хотя въ послѣднихъ, вслѣдствіе сложности явленій, дедукція не всегда возможна, однако зависимость специальныхъ законовъ отъ болѣе общихъ даетъ въ нихъ преобладающее значеніе умозрительнымъ выводамъ изъ предшествующихъ наукъ, вслѣдствіе чего основныя понятія, которыя въ отвлеченныхъ наукахъ могутъ быть только индуктивными, въ конкретныхъ становятся существенно дедуктивными (718, 719). Но въ концѣ концовъ, всякая дедукція основывается на предшествующей индукціи, окончательно на какомъ-либо простомъ наблюдении, единственномъ источникѣ реальности и плодотворности всякихъ апріорныхъ выводовъ (723).

Изъ этого можно было бы заключить, что самая отвлеченная изъ всѣхъ наукъ, имѣющая дѣло съ самыми элементарными явленіями и изслѣдующая наиболѣе простые и общіе законы, математика, должна быть основана на чистой индукціи. Но вмѣсто того мы узнаемъ, что именно въ математикѣ индуктивная метода вовсе не прилагается, а напротивъ, дедуктивная достигла полного развитія. Наиболѣе общая и отвлеченная часть математики можетъ разсматриваться, какъ громадное собраніе логическихъ орудій, приготовленныхъ для дальнѣйшихъ потребностей дедукціи (VI, 765). Кантъ предостерегаетъ даже отъ излишней приверженности къ математикѣ, которая создаетъ привычки, противорѣчащія истиннымъ предписаніямъ всеобщей методы, располагая изслѣдователей къ предпочтенію разсужденій наблюденіямъ и подавая поводъ къ злоупотребленію умозрительными соображеніями (VI, 767),—предостереженіе, о которомъ Кантъ почему-то догадался только въ концѣ своего курса, тогда какъ прежде онъ всегда выставлялъ математику образцомъ для всѣхъ наукъ.

Очевидно, что одна точка зрѣнія не вяжется съ другою. Чтобы поставить вопросъ на твердую почву, надобно было прежде всего выяснить, какимъ образомъ изъ чистаго фак-

та можно сдѣлать какой-нибудь логическій выводъ. Факты, или явленія, могутъ относиться другъ къ другу, либо какъ совмѣстные, либо какъ послѣдовательныя. Мы видѣли, что Контъ признаетъ существенными отношенія *сходства* и послѣдовательности явленій (VI, 715); однако у него въ этомъ вопросѣ мысли не совсѣмъ ясны, ибо далѣе онъ говоритъ о законахъ *согласія* (*harmonie*) и послѣдовательности (721). Согласіе есть связь совмѣстныхъ явленій; сходство же служитъ основаніемъ вывода, какъ для совмѣстныхъ, такъ и для послѣдовательныхъ явленій. Видя постоянную связь явленій въ томъ или другомъ порядкѣ, мы предполагаемъ существованіе той же связи и въ другихъ сходныхъ случаяхъ. Это—выводъ по аналогіи, единственный доступный опытному изслѣдованію. Онъ имѣетъ тѣмъ болѣе силы, чѣмъ ближе сходство и чѣмъ многочисленнѣе примѣры; но безусловной точности и достовѣрности онъ никогда достигнуть не можетъ, ибо мы никогда не можемъ быть увѣрены, что та же связь окажется при иныхъ условіяхъ; условія же безконечно разнообразны.

Этотъ относительный характеръ опытныхъ выводовъ составляетъ необходимое требованіе положительной философіи, которая, какъ мы видѣли, признаетъ всякое знаніе относительнымъ. Сводя къ общему итогу свои воззрѣнія на методу, Контъ съ особенною силою настаиваетъ на этомъ признакѣ. Изслѣдованіе неорганическаго міра, гдѣ человѣкъ является простымъ зрителемъ, говоритъ онъ, доказываетъ намъ, что всѣ наши понятія о внѣшней природѣ чисто относительны, какъ видно между прочимъ въ законахъ тяжести, которые, повидимому, должны бы имѣть наиболѣе абсолютный характеръ. Точно такъ же и въ біологіи все зависитъ отъ взаимодѣйствія организма и среды, при чемъ мы ни въ одномъ случаѣ не можемъ точно опредѣлить вліяніе того и другого. Наконецъ и въ социологіи все сводится къ эволюціи, въ которой каждое явленіе получаетъ свое относительное мѣсто и значеніе въ общемъ процессѣ. Этимъ окончательно устраняется всякая безусловная точка зрѣнія,